

- Memorial book of the Semipalatinsk region of Pskov for 1901. Semipalatinsk, 1901. P. 1-182. [in Russian].
- Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kazach'ih ili kirgiz-kajsacskih ord i stepej. [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-kisatsky hordes and steppes]. Almaty, 1996. 656 p. [in Russian].
- Ostaf'ev V.A. Kolonizaciya stepnyh oblastej v svyazi s voprosom o kochevom hozyajstve. [Colonization of the steppe regions in connection with the question of nomadic economy]. Notes of the West Siberian branch of the Imperial Russian geographical society (ZZSOIRGO). Omsk: Printing office of the district headquarters, 1895. Book XVIII. Issue 1. Pp. 1-62. [in Russian].
- Potantin G.N. Zavoevanie i kolonizaciya Sibiri. [The Conquest and colonization of Siberia]. Pictorial Russia. Saint Petersburg; Moscow, 1884a. Vol. 11. P. 31-48. [in Russian].
- Potantin, 1884. Potantin G.N. Sibirske kazaki. [Siberian Cossacks]. Picturesque Russia. Saint Petersburg; Moscow, 1884b. Vol. 11. P. 107-116. [in Russian].
- Putincev N.G. Hronologicheskij perechen' sobytij iz istorii Sibirskogo kazach'ego vojska. [Chronological list of events from the history of the Siberian Cossack army]. Omsk, 1891. 256 p. [in Russian].
- Semenov V.P. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Kirgizskij kraj. Pod redakciej V.P.Semenova. [Russia. Full geographical description of our country. Kyrgyz region. Edited by V.P. Semenov]. Saint-Petersburg: Edition of A. F. devrien, 1903. Vol. 18. 469 p. [in Russian].
- Konshin N.Ya. Semipalatinskij listok. [Semipalatinsk leaflet]. Edited by Konshin N. Ya. Semipalatinsk, 1905. № 761. P. 2-3. [in Russian].
- Gaines A. K. Sbranie literaturnyh trudov A.K. Gejnса, prilozheniya ko vtoromu tomu. Kirgiz-kajsaki (v Zaural'skoj stepi). [Collection of literary works of A.K. Gaines, appendices to the second volume. Kirghiz-kaysaks (in the Trans-Ural steppe)]. Saint-Petersburg: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1898. 743 p. [in Russian].
- Usov F.N. Istoricheskij ocherk. [Historical essay]. Memorial book of Western Siberia for 1882. Omsk, 1882. Pp. 211-266. [in Russian].
- Usov F.N. Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego vojska. [Statistical description of the Siberian Cossack army]. Saint Petersburg, 1879. 284 p. [in Russian].
- Haruzin N.K. Voprosu ob assimilyacionnoj sposobnosti russkogo naroda. [On the issue of assimilation ability of the Russian people]. Ethnographic review. Moscow, 1894. No. 4. P. 43-78. [in Russian].

МРНТИ 03.61.91

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ КАЗАХОВ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ 20-Х ГГ. XX В.)

Орынбаева Гульмира Усенбаевна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: orinbaevag@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена теме изменений в хозяйстве и культуре казахов в годы утверждения советской власти на территории Казахстана, ее освещению в работах ученых и советских чиновников. Скотоводческое хозяйство казахов в это время испытывало глубокий кризис. Причиной тому были: обострение земельного вопроса в Казахстане, проводимая советской властью политика продовольственных реквизиций и другие ее мероприятия. В результате скотоводы массово переходили к земледелию, к промысловой деятельности, параллельно занимаясь скотоводством и стремясь в минимальные сроки возобновить кочевой образ жизни. Трансформации в способах хозяйствования не могли не повлечь за собой нововведения в быту казахов. В статье показаны изменения, имевшие место в 20-х гг. XX в. в культуре жилища, одежды, питания, в семейных отношениях, образовании и т.д. Советская власть, проводя модернизаторскую политику в эти годы, стремилась ликвидировать, пока еще только агитационными методами, прежний традиционный уклад жизни кочевых казахов. Однако, несмотря на реформаторские усилия Советов, в целом в указанный период жизнь и быт казахов хотя и подвергались изменениям, но при этом не менялись их коренные основы.

Ключевые слова: казахи, кочевники, традиционное хозяйство, кочевое скотоводство, земледелие, промыслы, культура, быт, изменения, советская власть.

FTAXP 03.61.91

**КЕҢЕС ӨКІМЕТІНІҢ АЛҒАШҚЫ ОНЖЫЛДЫҚТАҒЫ ҚАЗАҚТАРДЫҢ
ШАРУАШЫЛЫҒЫ МЕН ТҮРМЫСЫ (XX Ғ. 20-ШІ ЖЖ. ЗЕРТТЕУЛЕР БОЙЫНША)**

Орынбаева Гүлмира Үсенбайқызы

тарих ғылымдарының кандидаты, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология
институтының жетекші ғылыми қызметкері, Алматы қ., Қазақстан.
E-mail: orinbaevag@mail.ru

Мақала Қазақстан аумағында Кеңес өкіметі орнаған жылдардағы ғалымдар мен кеңес шенеуніктерінің еңбектеріндегі қазақтардың экономикасы мен мәдениетіндегі өзгерістер тақырыбына арналған. Сол кездері қазақтың мал шаруашылығы өте күрделі жағдайда болды. Оған Қазақстандағы жер мәселесінің шиеленісуі, Кеңес үкіметі жүргізген азық-түлік реквизициясы саясаты және оның басқа шаралары себеп болды. Нәтижесінде мал шаруашылығымен айналысатындар жаппай егін шаруашылығымен, сондай-ақ сауда саттықпен айналыса бастады. Дегенімен, олар мал шаруашылығымен де қатар айналысып, қысқа уақыт аралығында көшпелі өмір салтын қайта қалпына келтіруге ұмтылды. Шаруашылықтан көрініс тапқан өзгерістер қазақ халқының дәстүрлі өмір салтына өзгертпей қойған жоқ. Мақалада XX ғасырдың 20-жылдарында тұрғын үй, киім, тамақтану, отбасылық қатынастар, білім беру мәдениетіндегі өзгерістер көрсетілген. Кеңес үкіметі осы жылдары модернизациялау саясатын жүргізе отырып, осы уақытқа дейін тек көшпелі қазақтардың бұрынғы дәстүрлі тұрмыс-тіршілігін үгіт әдістері арқылы жоюға тырысты. Алайда, кеңес үкіметінің реформалық күш-жігеріне қарамастан, жалпы алғанда, сол кезеңдегі қазақтардың өмір салты өзгерістерге ұшырағанымен, олар өзінің түп негіздерін өзгертпеді.

Кілт сөздер: қазақтар, көшпенділер, дәстүрлі шаруашылық, көшпелі мал шаруашылығы, егіншілік, кәсіпшілік, мәдениет, тұрмыс, өзгерістер, кеңес үкіметі.

IRSTI 03.61.91

**THE ECONOMY AND LIFE OF THE KAZAKHS
IN THE FIRST DECADE OF SOVIET POWER
(ACCORDING TO RESEARCH OF THE 20S OF THE XX CENTURY)**

Orynbayeva Gulmira

candidate of historical sciences leading researcher at Ch.Ch. Valikhanov institute
of history and ethnology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: orinbaevag@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the issuers of changes in the economy and culture of the Kazakhs during the Soviet power on the territory of Kazakhstan and works of scientists and Soviet officials. At that time cattle breeding economy of the Kazakhs was experienced a deep crisis. The reasons for this were: land issue in Kazakhstan, the policy of food requisitioning and its other measures pursued by the Soviet authorities. As a result, herders massively turned to farming, to commercial activities, in parallel with cattle breeding and seeking to resume the nomadic way of life in the shortest time. Transformations lead to innovations in the life of the Kazakhs. The article shows the changes that took place in the 20s of the XX century in the culture of dwelling, clothing, food, in family relationships, education, etc. The Soviet government, pursuing a modernizing policy sought to eliminate, for the time being only by propaganda methods, the former traditional way of life of the nomadic Kazakhs. However, despite the reform efforts of the Soviets, in general, they did not change its fundamental basis.

Key words: Kazakhs, nomads, traditional economy, nomadic cattle breeding, agriculture, crafts, culture, mode of life, changes, Soviet power.

Введение. Одной из актуальных проблем современной этнологической науки Казахстана является изучение трансформации казахского традиционного хозяйства и культуры в первые десятилетия существования советской власти. Какие, в каких сферах жизни и быта казахов-кочевников, каким образом и в какие временные периоды

происходили изменения? – на такие вопросы пока не дало ответы ни одно исследование. Советская модернизаторская политика буквально в течение двух-трех десятилетий в корне изменила культурный облик народа, который и так активно менялся в предыдущие десятилетия под влиянием культуры русских переселенцев. В настоящей статье, на основе трудов таких исследователей, как А.А. Диваев, С.И. Руденко, А.М. Брискин, А.Н. Букейханов, А.Н. Дониц, В.А. Соколовский и др., предпринимается попытка осветить этот вопрос в рамках 1920-х гг.

В свое время в советской историографии и в общественном сознании утвердилось мнение о коренных, ощутимых, мгновенно принесших изменения в жизни народов бывшей России преобразованиях советской власти. Во многом, такое представление продолжает бытовать по настоящий день. Однако, в целом, 20-е гг. XX-го столетия казахское общество еще продолжало жить согласно устоявшимся вековым традициям, лишь отдельные его сферы находились в процессе исторически обусловленных перемен, как под влиянием естественных законов эволюции, так и политических шагов новой власти, на тот момент еще сравнительно мягких и осторожных. Таким образом, автор статьи пытается показать, в какой мере и степени, а также под воздействием каких факторов происходили трансформации в указанный период.

Материалы и методы. Статья написана на основе источников – работ представителей государственных управленческих органов республики и Центра, а также ученых-этнографов, экономистов, участвовавших в государственных исследовательских программах новой власти в целях модернизации казахского кочевого общества. Это исследования А.Н. Доница, В.А. Соколовского, А.М. Брискина, А.А. Диваева, С.И. Руденко, А.Н. Букейханова и др. Все эти деятели по роду служебных обязанностей непосредственно соприкасались с кочевым населением Киргизского края, как тогда называли Казахстан, и воочию наблюдали положение дел в хозяйстве и быту казахов. Кроме того, были задействованы исследования историков и этнографов более позднего и современного периода, раскрывающие тему экономической жизни и традиционной культуры казахов на изучаемом этапе.

При работе с источниками был использован конкретно-исторический метод, то есть автор стремилась воссоздать картину хозяйственной жизни и быта казахов и отображающую политику советской власти по отношению к кочевникам в этих областях. Также, одним из опорных в ходе изучения темы стал сравнительно-сопоставительный метод. Изложенные в источниках факты, касающиеся новых и традиционных явлений в общественной, хозяйственной и бытовой жизни народа сопоставлены между собой с целью создания приближенной к реальной жизни казахов-кочевников исторической картины. Конечно же, использован метод историзма – погружения в изучаемую эпоху, попытки вникнуть в особенности рассматриваемого периода, изучения его как этапа в истории развития хозяйства и быта казахов, как звена в цепи времени. В некотором роде проведена систематизация исторического процесса трансформации культурного облика народа на протяжении XIX – XX вв., так как 20-е годы прошлого столетия можно выделить как один из особых этапов в истории и культуре казахского народа, с учетом своеобразия политической и экономической ситуации и культурной политики, проводимой властями.

Также использованы общенаучные методы – анализ и синтез фактологического материала. Таким образом, проанализированы такие отрасли хозяйственной и культурной жизни казахов в 1920-е гг., как кочевое, полукочевое и оседлое скотоводство, земледелие, промыслы, материальная культура и т.д. Затем, применяя метод синтеза, на основе полученных результатов сделано заключение о состоянии хозяйства и быта казахов в указанный период.

Обсуждения и результаты. В целом по Казахстану, в 20-е гг. прошлого века казахи составляли 57,1% населения, русские – 19,8%, украинцы – 13,2%, остальные народности составляли незначительный процент (Дониц, 1928а: 15). Коренное казахское население в основном сосредоточивалось в пяти скотоводческих округах Казахской республики – Адаевском, Каркаралинском, Кзыл-Ординском, Гурьевском и Сыр-Дарьинском и одном скотоводческо-земледельческом Уральском округе (Дониц, 1928а: 8).

Политические катаклизмы: Первая мировая война, народно-освободительное движение 1916 года, Гражданская война привели к резкому упадку, разрухе сельского хозяйства, нарушению рыночных связей (Дахшлейгер, 1965: 84). Сообщения тех лет указывают на

нищету и голод среди населения. Причинами падения скотоводческого хозяйства у казахов известный этнограф А.А. Диваев называет следующие: недостаток пастбищ из-за невозможности дальних кочевок, неуверенность в неприкосновенности своего хозяйства и, впоследствии этого, бессистемные и почти непрерывные перекочевки, частые военные реквизиции скота и фуража, вздорожание товаров промышленного производства по сравнению с продуктами скотоводческого хозяйства (Диваев, 2004: 231–232). Голод привел к вспышкам различных эпидемий, в частности, сыпного тифа, унесшего многие тысячи жизней. В крае наблюдался разгул бандитизма (5 лет Казакстана, 1925: 15).

Также голод повлек массовый переход казахов к зерновому земледелию. Далее, в результате земельной политики и экономического воздействия советской власти стали происходить изменения в характере общественных отношений у казахов (Соколовский, 1926: 16). В 1924–1925 гг. имел место некоторый процесс восстановления хозяйства, некоторого расширения связей казахских хозяйств с рынком (Дахшлейгер, 1965: 236). 1925-й год стал первым урожайным годом после голода и ряда недородов (5 лет Казакстана, 1925: 27). С оживлением промышленных центров усиливалось отходничество, на промышленных предприятиях наблюдалось увеличение числа рабочих-казахов (Соколовский, 1926: 16).

Однако, похоже, что состояние экономики края, не успев полностью восстановиться, опять стало ухудшаться к концу 1920-х гг. по причине проводимой властями социально-экономической политики. В особенности тяжелым оказалось положение в этот период в животноводческих районах Казахстана (Брискин, 1931:16). А.М. Брискин описывает трагическую картину, когда в результате джуютов, происходивших в Адаевском округе в конце 1920-х гг., начиная с 1927-го, тысячи людей превращались в нищих и бродили за подаянием из аула в аул (Брискин, 1929: 58).

Казахское население края в подавляющем большинстве проживало в аулах. В.А. Соколовский делит казахские аулы того периода на четыре типа: скотоводческий кочевой, скотоводческий полукочевой, оседло-земледельческий и смешанного типа. Первый – это чисто скотоводческий аул, хозяйства которого кочевали круглый год и почти не имели построек, кроме как загонов для скота на местах продолжительных стоянок (Соколовский, 1926: 3). Выпас скота ими осуществлялся теми же вековыми, традиционными способами (Диваев, 2004: 231; Соколовский, 1926: 3; Дониц, 1928b: 9). Жили они в войлочных юртах, состоящих из трех кереге (т.е. решетчатых основ юрты), рогатого скота не держали, разводили верблюдов, лошадей, овец. Земледелием не занимались, а охота и рыболовство у них играли совсем незначительную роль (Дониц, 1928a: 20). Как и до октябрьской революции, первичной и основной формой расселения у чисто кочевого казахского населения был пастушеский аул, состоявший из двух-пяти хозяйств, связанных родством. Несколько пастушеских аулов (2–5), связанные родственными узами и общими хозяйственными целями, образовывали хозяйственный аул («хозаул»). Как пастушеские аулы, так и хозаулы могли находиться друг от друга на значительном расстоянии. В административном отношении несколько хозаулов объединялись в административные аул («адаул»), который возглавлял общий «аулсовет» (Дониц, 1928a: 17). «Адаул» мог состоять из разного количества таких селений, от 5 до 100. По этому поводу иронизировал В.А. Соколовский, указывая, что административные аулы были сформированы так, «как на то была воля советских учреждений» (Соколовский, 1926: 2). Однако, обычно в округах с большой дисперсностью, то есть рассеянностью расселения, таких, как Адаевский округ и в других полупустынных и пустынных зонах, аулсоветы объединяли обычно большое число хозаулов (Дониц, 1928a: 20).

Большинство же казахов в тот период занимались полукочевым скотоводством, составляя две третьих всех казахских хозяйств (Дониц, 1928b: 10). Полукочевой скотоводческий аул имел постоянную зимовку обычно где-нибудь в приречной долине. Находился он на зимовке, примерно, полгода, с поздней осени и до ранней весны. Здесь имелись зимние постройки для людей и для скота, кроме открытых загоронок, часто еще и крытые хлевы. С наступлением весны полукочевники переселялись в переносные юрты (кибитки) и начинали кочевание на джайлау, пути которого были также определены (Соколовский, 1926: 3). Полукочевые хозяйства сочетали скотоводство с земледелием, с сенокосением или с промысловой разработкой соли, рыбы и горных ископаемых (Дониц, 1928b: 9). Для полукочевого и полуседлого населения первичным

населенным пунктом в зимнее время был хозяйственный аул (или аул-кстау), в котором совместно жили несколько пастушеских аулов (Донич, 1928а: 20). Аул-кыстау насчитывал обычно от пяти до пятнадцати хозяйств (Соколовский, 1926: 2). Весной и летом полукочевой хозяйственный аул во время кочеваний обычно распадался на пастушеские аулы, передвигавшиеся в разные сроки и в разных направлениях, в зависимости от мощности своих хозяйств, преобладания тех или иных видов скота (Донич, 1928а: 20).

В то же время имелись полуседлые аулы, в которых земледелие играло значительную роль. Полуседлые казахи занимались переложным поливным земледелием (Донич, 1928а: 20). Стремясь на время удалиться из своих зимних жилищ-полуземлянок с тяжелыми условиями для проживания, весной жатаки-земледельцы выселялись в юрты, которые ставили поблизости. Ими практиковалась отгонно-табунная система животноводства: часть аульных жителей выкочевывала со скотом на небольшое расстояние. При этом за лето они могли менять свои стоянки несколько раз, перемещаясь иногда на расстояние 15–30 верст. Бедняки, не имеющие переносных юрт, строили временные шалаши (*жаппа*) из камыша и т.п. материала (Руденко, 1927: 10; Соколовский, 1926: 3). Овец почти не имели, немного разводили лошадей и верблюдов (Руденко, 1927: 8; Донич, 1928а: 21). Новизной было то, что в стадах у казахов на тот период наблюдалось широкое распространение крупного рогатого скота (5 лет Казакстана, 1925: 28). Распространена была только одна, казахская порода этого вида скота (Диваев, 2004: 230). Главным образом разводились коровы для получения молока и на продажу. Коровье мясо, по данным А.А. Диваева, употреблялось редко. Использовались также быки в качестве рабочего скота для полевых работ (Диваев, 2004: 231). На зиму заготавливали сено: траву и солому от пшеницы (Диваев, 2004: 231). По сведениям В.А. Соколовского, были еще и аулы смешанные, часть хозяйств которого были полукочевыми скотоводами, кочевывавшими семьями, а часть земледельцами, отправлявшими скот в отгон. Всю зиму все эти хозяйства находились вместе, весной разделялись, а осенью опять соединялись на зимовке (Соколовский, 1926: 3).

Каждый из этих типов скотоводства: кочевое, полукочевое и полуседлое имело различные подтипы (Донич, 1928b: 10; Руденко, 1927: 10; Соколовский, 1926: 5). При этом шел непрерывный процесс перехода из одной категории хозяйств в другую. В тот период почти каждое хозяйство стремилось обзавестись призимовочной территорией для занятия земледелием, чтобы выращивать кормовые травы для скота и продовольственные культуры для личного потребления. Однако, основой хозяйства оставалось все-таки скотоводство, земледелие же существовало как подсобный вид деятельности (Соколовский, 1926: 5). На упадок скотоводства в Казахстане указывает широкое распространение эпизоотий, которые, по выражению А.М. Брискина, «свили себе в степи прочное гнездо». Ежегодно сап, сибирская язва, ящур уносили сотни тысяч голов. Казахи при этом к ветеринарам обращались мало, в основном, к знахарю – *бақсы* (Брискин, 1931: 17). Уберечь скот от напастей казахские пастухи надеялись также при помощи суеверий. Например, пастух никогда не умывался, чтобы бараны его не худели, не стриг в степи своих ногтей, иначе волки будут гоняться за овцами и т.д. (Диваев, 2004: 231).

Земледелие среди казахов существовало двух видов: случайное земледелие скотоводческих хозяйств и поливное земледелие с использованием ирригационных сооружений – арыков (на юге Казахстана) как основное хозяйство (Диваев, 2004: 217, 220). Состоянием арыков и распределением воды среди членов общины ведали мирабы, а на участках – арык-аксакалы. Все пользующиеся водой из арыка должны были два раза в год, весной и осенью, его очищать (Диваев, 2004: 221). Полив производился в среднем три-четыре раза с помощью водоподъемных сооружений (чигирь, атпа) (Дахшлейгер, 1965: 71). Главной земледельческой культурой в Казахстане была яровая пшеница. Кроме того, сеялись также рожь, ячмень, просо, кормовые травы. На юге, помимо зернового хозяйства, развивалось хлопководство (только в Чимкентском уезде), садоводство, виноградарство, табаководство, производство сахарной свеклы, подсолнечника, каучуконоса-кенафа и др. Технические культуры выращивались исключительно на рынок (Дахшлейгер, 1965: 71; Абылхожин, 1998: 60).

Только зажиточные переселенческие хозяйства имели многолемешные плуги, железные бороны, веялки, сенокосилки, молотилки и т.д. В основном крестьяне-переселенцы пользовались мелким плугом, самодельной бороной, косами. У казахов

же орудиями полеводства были омач, сабан, кетмени, лопаты, деревянная борона или волокуша из пука таловых веток. Жатва производилась вручную, в основном, косой, молотба – при помощи скота, веяли зерно лопатой по ветру (Дахшлейгер, 1965: 71). В целом, техническая обеспеченность труда в те годы была крайне низкой. На 1 жителя Казахстана приходилось лишь около 0,006 лошадиных сил технических мощностей, это было в 4,3 раза меньше, чем в дореволюционной России, и в 25 раз меньше, чем в Соединенных Штатах того времени (Донич, 1928b: 16).

Как уже было указано выше, скотоводческое хозяйство казахов в результате обострения земельного вопроса в Казахстане в эти годы испытывало глубокий кризис, который влиял и на общественно-политическую обстановку в крае в целом. Чтобы заняться земледелием скотоводы стремились укрепиться главным образом в более удобных для этой цели южных районах – местах зимовок. Это создавало земельную тесноту и соперничество за земли между кочевниками центральной и южной части Казахстана. Также, скотоводы во время кочевек часто выходили за пределы не только уездов, но и губерний. Следовательно, столкновения интересов происходили и из-за пастбищ на путях кочевания (Соколовский, 1926: 19).

Советская власть с самого начала проводила политику перевода казахского населения на оседлость, но в 20-х гг. пыталось решить этот вопрос социально-экономическими и разъяснительными методами. Кочевничество представлялось большевикам «примитивным», «отсталым», «варварским» и т.д. Судя по источникам, новая советская власть продолжала политику царского правительства: усилить переселение в Казахстан крестьян из центральных районов теперь уже Советского Союза (Брискин, 1931: 21). Проведенные советским правительством мероприятия по землеустройству кочевого и полукочевого населения (1923–1929 гг.) приводили к оседанию казахского населения в ряде районов и к созданию первых настоящих оседлых поселений (Культура и быт, 1967: 85). Советская власть способствовала также развитию сенокосения среди казахов: поставляла сенокосильные машины, организовывала косьбу (Брискин, 1931: 16).

Однако, в хозяйстве казахов скотоводство продолжало играть главную роль. 75 процентов казахов продолжали заниматься полукочевым скотоводством (Брискин, 1931: 13). К концу 20-х гг. чисто кочевую жизнь вели только 10 % казахов. В процесс оседания в это время вовлекалось ежегодно тысячи хозяйств, 15 процентов казахов на тот момент уже считались осевшими (Брискин, 1931: 20). 130 тыс. оседлых казахских хозяйств в 1930 г. имели общую посевную площадь в 450 тыс. га. Они занимались посевом пшеницы, ржи, хлопка «не хуже других национальностей», и, как отметил работник Госплана республики К.П. Каминский, «по кочевью не тоскуют» (Каминский, 1930: 10). Число полукочевых хозяйств приблизительно составляло две трети всех хозяйств республики (Донич, 1928b: 10). В большинстве регионов Казахстана наметившийся экономический подъем в 1925–1926 гг. привел к увеличению скотоводческих хозяйств (Соколовский, 1926: 5; Донич, 1928b: 3; Ищенко, Казбеков, 1928: 195).

В 20-е гг. процесс оседания происходил главным образом в Северном Казахстане (Абылхожин, 1998: 148), а также и на юге. В хозяйствах осевших казахов первое время сохранялись черты старого кочевого быта. Так же производили рытье неглубоких колодцев традиционного типа (Донич, 1928b: 15), продолжали использовать привычный инвентарь: кетмени, кожаные ведра, «цедилки» для молока из прутьев с фильтром из шерсти или конского волоса и т.д. Еще мало использовались лопаты, пила, неизвестен был рубанок (Донич, 1928b: 15). Затраты на землеустройство, постройку жилища, на обзаведение хозяйственным инвентарем в большинстве своем производились за счет самих оседающих хозяйств (Донич, 1928b: 5).

На севере имелись образцовые оседлые казахские села со школами, где проводились концерты, лекции для населения и демонстрировалось кино (Брискин, 1929: 106). Такое село, расположенное в Карабалыкском районе Кустанайского округа, описывает А.М. Брискин. В них имелись так же детская площадка, читальня и акушерский пункт, которые были расположены рядом с поселком «в чистеньких юртах, тонущих в любовно развешанных гирляндах зелени, в лозунгах, плакатах и диаграммах» (Брискин, 1929: 108). В ауле – райцентре здесь даже имелась «крошечная, но чистенькая столовая, где за недорогую плату можно получить недурной обед» (Брискин, 1929: 102).

Скот разводился и для личных потребностей, и для продажи (Диваев, 2004: 230). Для

обмена на необходимые товары на городские базары и ярмарки из степей выгонялись стада баранов, караваны и обозы везли продукты скотоводства: мясо, сало, кожи, шерсть и даже кишки (Леонов, 1930: 22). Крупную оптовую торговлю скотом, обычно весной и осенью, вели скотоводческие байские хозяйства. Они являлись посредниками (*саудегерами* и *алыпсатарами*) между городскими торговцами и аульным населением, занимаясь перепродажей тканей, железа, чая, сахара, спичек, обуви, мыла, ниток, предметов домашнего обихода и других промышленных товаров, которые пользовались постоянным спросом. Одновременно байы занимались ростовщичеством (Дахшлейгер, 1965: 239). В большинстве случаев продукты степей поступали в руки скупщиков татар, сартов и среднеазиатских евреев (Диваев, 2004: 222). Существовали караванные дороги в среднеазиатские города, по которым товары перевозились на верблюдах. Развитию торговли в крае способствовали и железные дороги (Диваев, 2004: 223).

Среди бытовавших промыслов и ремесел, кроме традиционных, появились и новые (Диваев, 2004: 223). Часть казахского населения, жившая в местностях, прилегающих к рекам и морям, занималась рыболовством. Рыбным промыслом казахи занимались еще и до революции, но только ради продажи, в пищу же рыбу не употребляли (Диваев, 2004: 224). В 20-е гг. в степных районах был широко распространен отлов суслика-песчаника. Шкурки суслика отправлялись на экспорт за валюту, составляя до 3 000 000 штук в год (Брискин, 1929: 76). Отдельные казахи занимались сбором дикорастущих растений: камыша, куги, колочек саксаула, гребеньщика, которые опять же отвозились в города (Диваев, 2004: 222).

По словам А.Н. Донича, традиционные промыслы: ковроделие, кошмоваляние, ткачество, плетение циновок, резьба по кости, камню, дереву, выделка тесьмы, веревок, арканов и т.д. «были не развиты» (Донич, 1928b: 16). С. Руденко же писал, что у чистых кочевников наблюдается «крайняя примитивность и бедность народной техники» (Руденко, 1927: 16, 22). Возможно, причина была в упадке в те годы чисто скотоводческого хозяйства, особенно достигшего критического уровня в западных и центральных районах края, которые и описывали вышеуказанные авторы. К примеру, Б.А. Куфтин, наоборот, отмечает развитость у кочевников Средней Азии и Казахстана «в высшей степени сложного коврового производства» (Куфтин, 1926: 6).

Все виды насаждаемых в 20-е гг. годы производственных кооперативов – коммуны, артели, товарищества по обработке земли, т.н. «тозы» – возникали, как правило, в оседло-земледельческих районах. В полукочевых, и тем более в кочевых аулах, производственной и потребительской кооперации почти не существовало (Дахшлейгер, 1965: 461; Диваев, 2004: 222). Акционерное общество «Овцевод», созданное в 1926 г. с целью разведения тонкорунных, полугрубошерстных и каракулевых видов овец, руководило работой овцеводческих совхозов в некоторых полукочевых и кочевых районах Семипалатинской губернии и Жетысу (Дахшлейгер, 1965: 525). Новая власть стремилась извлечь выгоду из казахского скотоводства. Отличающихся выносливостью лошадей казахской породы предполагалось использовать не только в хозяйственных целях, но и как кавалерийских. Для нужд Красной армии, например, в 1925 г. планировалось закупить 35000 казахских лошадей (5 лет Казакстана, 1925: 29).

Казахское общество в 1920-е гг. фактически продолжало жить по прежним вековым законам. Каждый род возглавлял аксакал – авторитетный старец, знаток обычаев (Диваев, 2004: 193). Обычай и обрядности у казахов вплоть до сплошной коллективизации начала 1930-х гг. продолжали существовать без изменений. У некоторых казахов, к примеру, у кочевого племени адай, продолжала существовать, по утверждению Брискина, даже кровавая месть. Особенно частым явлением оставался обычай угона лошадей (*барымта*) (Брискин, 1929: 35). Несмотря на запреты советской власти, продолжалось использование наемного труда (Диваев, 2004: 224).

Похоже, что в первой половине 20-х гг. еще не все жители казахских степей знали о существовании советской власти. Поэтому по аулам отправлялись Красные Караваны, в составе которых были работники судов, сельского хозяйства, просвещения и здравоохранения, проводившие разъяснительную работу среди населения. (5 лет Казакстана, 1925: 16). На отдаленных кочевьях были организованы красные юрты – аналоги изб-читален. Прикрепленные к ним педагогические, медицинские и другие работники занимались политико-агитационными и культурно-просветительскими работами. Красные юрты были опорными пунктами новой власти в ликвидации неграмотности и привитии

санитарно-гигиенических и оседло-земледельческих навыков среди казахского населения (Культура и быт, 1967: 179).

Среди казахского населения наблюдалось резкое численное преобладание мужчин над женщинами. А.Н. Дониц объясняет этот факт сокрытием молодых женщин при переписи для продажи за калым. Тяжелые бытовые условия тоже приводили к тому, что женщины казашки истощались и умирали гораздо раньше, чем мужчины (Дониц, 1928а: 16). Русские исследователи края с сочувствием писали о том, что казахской женщине приходится в семье зачастую больше выполнять физической работы, чем ее мужу. У уже осевших казахов женщина все так же продолжала нести основную тяжесть хозяйственных работ (Дониц, 1928b: 17; Брискин, 1929: 109). Выданная насильно замуж еще до совершеннолетия, женщина быстро увядала и в 30 лет часто выглядела как старуха (Брискин, 1931: 45). Если большинство авторов пишут о бесправии казашки в семье, то, по мнению А.А. Диваева, благодаря важной ее роли в хозяйстве, она на самом деле является помощницей и советчицей главы семьи (Диваев, 2004: 188). Роды, как правило, производились дома. Хотя к концу 20-х гг. на севере республики открывались родильные пункты, роженицы туда обращались очень редко (Брискин, 1929: 110). Ребенка принимала либо опытная женщина (*кiндiк шеше*), либо мать кого-либо из супругов (Востров, 1956: 88).

Новые законы провозглашали равноправие женщин: при вступлении в брак, равное с мужем право на своих детей, возможность получения образования и т.д. (Культура и быт, 1967: 179). Первый декрет, изданный КЦИКом (т.е. Киргизским Центральным Исполнительным Комитетом – органом власти; до 1925 г. «киргизы» – официальный экзоним казахов) в декабре 1920 г., отменял калым – «унижающий казакскую женщину, делающий ее предметом торговли, как, например, барана или верблюда» (5 лет Казакстана, 1925: 12). Женотделы, органы прокуратуры и суды вели борьбу с калымом, многоженством и аменгерством (т.е. обычаем левирата).

По сообщению А.А. Диваева, в начале 20-х гг. наблюдалось падение уровня грамотности среди населения. Большой грамотностью отличались представители волостной администрации и духовенства «при совершенном отсутствии таковой в низах народа». А.А. Диваев отмечает, что грамотность до революции среди казахов была выше, например, был высоким спрос на газеты (Диваев, 2004: 228). В аулах имелись школы-мектебы, в которые ходили все дети, начиная от 7–8 лет. Занятия начинались с восхода солнца до 12 часов дня и от 2-х часов до заката солнца. Юрты, отведенные под мусульманские школы, выделялись среди других своей конусообразностью. Занятия в мектебах проводились только летом на джайлау (Диваев, 2004: 225–226). В конце 1920-х гг., как известно, медресе и мечети были закрыты, вне закона оказалось мусульманское духовенство: муллы, имамы мечетей и т.д. Существовали новометодные школы, в которых обучение родному языку производилось по методам и учебникам просветителя А. Байтурсынова (Диваев, 2004: 227–228). Согласно источникам, с налаживанием экономической жизни у казахской молодежи стало наблюдаться большое стремление к образованию. Наркомпрос осаждался сотнями людей с просьбами принять их в школу. Во многих местах население собирало средства на содержание школ и постройку новых. Правительством было решено расширить в республике количество начальных школ-интернатов, приспособленных к кочевому быту населения (5 лет Казакстана, 1925: 23).

Весь домашний быт казахов был обусловлен господствующей формой хозяйства – кочевым скотоводством. Это ярко сказывалось в жилище, одежде и пище (Захарова, 1956: 119). Казахские поселения–зимовки обычно имели вид беспорядочно разбросанных отдельных усадеб. Материалы и способы построек зимних жилищ были различны у казахов разных областей и районов Казахстана. (Востров, Захарова, 1989: 68). В Жетысу (Юго-восточный Казахстан) дома на зимовках «представляли собой надземные или наполовину врытые в землю сооружения, разделенные на две части, одна из которых служила хозяйственным, а нередко даже и помещением для скота, а вторая была жилой». Эти сооружения покрывались тальником, травой и засыпались землей. Окна в полуземлянках устраивали в кровле и затягивали бычьим пузырем (Культура и быт, 1967: 95; Захарова, 1956: 116). На Эмбе (Западный Казахстан) казахи возводили наземные саманные землянки на 5–8 семей (Ищенко, Казбеков, 1928: 195). Казахскую землянку А.М. Брискин описывает как «полутемную и душную», «где на земляном полу

ютятся в страшной грязи люди вместе со скотом» (Брискин, 1929: 102). Богатые скотоводы строили более удобные и просторные жилища из саманного кирпича или рубили из дерева. К такому жилому дому примыкали загородки для скота из глины, камня и плетня. Загоны покрывались камышом, землей или оставались открытыми (Культура и быт, 1967: 95; Захарова, 1956: 116). В Адаевском уезде, по сообщениям С.И. Руденко, у зажиточных казахов на зимовке–кстау встречались обширные усадьбы с саманными, хорошо оборудованными постройками, иногда под железными крышами. Во дворах также имелись разнообразные капитальные постройки. Большинство зимних жилищ, принадлежавших жатакам, были примитивнее и беднее, надворные постройки меньше и конструктивно проще. Летом все население зимников переселялось в юрты. Самые бедные семьи лето проводили в жаппа (шалашах) (Руденко, 1927: 10). Остовы юрт изготавливались местными мастерами или приобретались привезенные из Каракалпакской области на Уильской и Темирской ярмарках (Руденко, 1927: 16).

По данным советских казахстанских этнографов В.В. Вострова и И.В. Захаровой, в 1926 г. в республике было создано 8257 оседлых поселков, так называемых точек оседания (Востров, Захарова, 1989: 69). В таких районах строительство домов осуществлялось по русскому образцу. Например, А.М. Брискин описывает оседлое казахское село на севере Казахстана с просторными жилищами с деревянными полами и русской печью. Дворы при этом были огорожены и имели хлевы (Брискин, 1929: 102). В таких селах, которые в обязательном порядке являлись уже коллективными хозяйствами, имелись дома правления, сельсоветы, клубы, склады и другие помещения под общественные и хозяйственные нужды (Культура и быт, 1967: 86).

Одежда казахов в начале 20-х гг. указывала на упадок экономической жизни казахов. Так, А.А. Диваев сообщает: «ввиду отсутствия надлежащих материалов, белье шьется преимущественно из маты (хлопчатобумажная ткань – авт.), а верхняя одежда из армячины (*шекпен*) домашнего приготовления натуральных цветов без окраски» (Диваев, 2004: 214). Еще с конца XIX в. в казахский быт стала проникать одежда русского покроя, в основном, мужская: рубашки, пальто и брюки. Кроме культурных заимствований, распространение типов одежды и обуви во многом было связано с усилением рыночных, торговых отношений. Имели русский покроем шубы и тулупы, появились ушанки и русская обувь. Одежда теперь кроилась со скошенным плечом, вырезной проймой, что не было характерно для традиционного туникообразного покроя, разрез у рубашки отделялся планкой на русский манер (Захарова, Ходжаева, 1964: 168).

Некоторые изменения происходили и в казахском женском костюме. Уже в начале XX в. распространился новый покроем платья, отрезного по талии. Однако, цельнокроеные платья старого типа сохранялись в быту на Мангышлаке, в южном Казахстане и Семиречье (Захарова, Ходжаева, 1964: 81). С начала XX в. входят в быт женские пальто. В обиход казашек начинает входить и швейная машина. Для украшения одежды наряду с ручной вышивкой применяется машинная узорная строчка (Захарова, Ходжаева, 1964: 168). В северных регионах в 1920-х гг. усиливается влияние городского костюма на женскую одежду. Например, девичьи жакеты-бешметы уже шили сильно в талию, с застежками в виде крючков от горла до талии, со стоячим воротником, рукавами, слегка собранными у плеча и сужающимися книзу (Казахская национальная, 1976: 11).

Если в северных регионах оказывали влияние российские фабричные товары, то на юге получила распространение среднеазиатская одежда. По сообщениям А.А. Диваева, казалинские казахи одевали хивинские и бухарские халаты, носили ичиги с калошами – *месі-кебіс*, *чиш-месі*, *калош-кебіс* (Диваев, 2004: 212, 213). На большей же части Казахстана использовались фабричные глубокие резиновые галоши (Казахская национальная, 1976: 12).

Одежда русского покроя перенималась, прежде всего, казахами, связанными с городом, либо осевшими возле русских селений. Среди основного казахского населения, живущего в степях и связанного со скотоводческим хозяйством, русская одежда имела незначительное распространение вплоть до 30-х годов прошлого столетия (Захарова, Ходжаева, 1964: 168). Судя по сообщениям А.А. Диваева, никаких косметических, декоративных средств для украшения лица и тела казашки в этот период не использовали (Диваев, 2004: 214).

По данным В.В. Вострова, казахи в традиционный период белье не стирали и не гладили, носили ее до полной изношенности (Востров, 1956: 83). Однако, известно,

что казашки в домашних условиях изготавливали мыло, о чем сообщают, к примеру, Б.А. Куфтин и С.Е. Толыбеков (Куфтин, 1926: 6; Толыбеков, 1971: 570). Б.А. Куфтин при этом добавляет, что «весь их костюм, женские белые головные уборы рассчитаны на опрятность» (Куфтин, 1926: 6). А А.Н. Дониц с возмущением пишет о том, что белье у кочевников стирается в котле, употребляемом для варки пищи (Дониц, 1928b: 20). Получается, что белье казахи все-таки стирали, хотя зачастую и не разглаживали. Конечно же, многие элементы быта кочевников в те времена были действительно далеки от требований гигиены. К ним А.Н. Дониц относит, к примеру, хранение кож в жилом помещении; курение и жевание табака; прием пищи вместе с больным при его посещении; обычай кормить гостя с руки (*асату*); обычай есть руками из одного блюда и обглаживание одной и той же кости поочередно несколькими людьми; употребление одного и того же полотенца как для здоровых, так и больных, для всех членов семьи и гостей; частое умывание, но без мыла, и т.д. Интересно сообщение А.Н. Доница об обычае у казахов вырывать нежелательные на теле волоски специальными щипцами или их брить. Перед красными юртами – избами-читальнями для кочевников, советская власть ставила задачу приобщить население края к гигиене, в числе которых: поддерживать чистоту тела, рук, лица и полости рта, содержать в чистоте помещения путем влажного подметания, обметания потолка и стен, побелки, проветривания; использовать для естественных надобностей лишь строго определенные места (Дониц, 1928b: 20).

Для конца 20-х гг. для кочевников был характерен общий упадок хозяйства и вместе с тем быта. А.М. Брискин описывает грязь, вонь, духоту и блох в жилище кочевника, его грязную одежду и дырявую обувь (Брискин, 1929: 59). Причем, в сообщениях более раннего периода, например, начала XX в., мы таких сведений не встречаем. Также А.М. Брискин рассказывает о виденных им толпах людей, «босых, невероятно грязных, покрытых болячками и насекомыми, с горящими глазами на исхудалых от голода лицах» (Брискин, 1929: 65). Среди казахов в тот период широко были распространены кожные заболевания: парша, чесотка, экзема, фурункулез (Брискин, 1929: 68). Целые аулы были охвачены оспой (Востров, 1956: 43). О массовой заболеваемости сифилисом, туберкулезом на Мангышлаке, о предрассудках и суевериях, ведущих к антисанитарии и болезням, писал в молодые годы казахский этнограф А.Х. Маргулан (Маргулан, 2012: 363). По данным Наркомздрава республики, число больных сифилисом казахов составляла в те годы около 9% (Брискин, 1929: 69). Очень высока была детская смертность, до 46,8% (Дониц, 1928b: 17).

По свидетельству А.А. Диваева, в 20-х гг. казахи изготавливали все те же традиционные блюда. Из мяса, в основном, из баранины – наиболее распространенные *камыр-ет* (букв. «тесто-мясо»), *куырдақ* (жаркое); из конины – *шұжық*, *қазы*, *жал*, *жая*, *қарта* (различные виды колбас). Зимой употреблялась еще и верблюжатина. Из молока готовились обычные казахские кисломолочные продукты: *айран*, *қатық*, *ірімшік*, *құрт*, *май*, *қымыз*, *шұбат* (Диваев, 2004: 215). Из супов казахи готовили: *көже* – просо или пшеница, разваренная или распаренная в воде, *үзбен* – куски пресного теста, сваренного в воде с молоком, *тұрама (нарын)* – густой суп с мелко покрошенным мясом и тестом, который А.А. Диваев назвал «замечательным вкусным блюдом» (Диваев, 2004: 215).

На упадок в хозяйстве и в быту в 20-х гг. у казахов, указывает, в частности, и пища. Например, едой бедных считался *быламық* – кипяченая в воде мука с небольшим добавлением молока (Диваев, 2004: 215). В начале 20-х гг., вследствие недостатка и дороговизны мяса и хлеба, казахи стали больше употреблять рыбу. Рыбу ели только в вареном виде, приготавливая «на манер *камыр-ет*» (Диваев, 2004: 215).

Также, по сообщениям А.А. Диваева, «дикорастущие растения в сыром виде в пищу не употребляются. Чай употребляется или натуральный или яблочный. Киргизы, занятые скотоводством и кочующие, овощей и плодов в пищу не употребляют. Занимающиеся же земледелием употребляют лук, морковь и красный перец, а из плодов – дыни. Овощи и плоды разводятся в таком ограниченном количестве, что съедаются в свежем виде и в сушку не идут» (Диваев, 2004: 214). Похоже, что в этот период хлеб уже становится одним из основных продуктов питания у казахов. Муку получали, размалывая пшеницу с помощью ручных мельниц (*диірмен*). Хлеб готовили из пресного теста. Выпекали его на углях между двумя сковородами, поэтому хлеб имел плоскую, круглую форму. Из теста также приготавливали ставшие традиционными баураки (Диваев, 2004: 215).

Пищу казахов авторы того времени характеризуют как однообразную и лишенную витаминов (Донич, 1928b: 16). По приведенным А.Н. Доничем сведениям, растительная пища, яйца, мясо птицы и вкусовые приправы казахами употреблялись «в незначительном количестве». Далее следует культуртрегерское замечание автора о том, что пища у казахов «готовится неумело» и «получается невкусной», обладает пониженной питательностью и к тому же «не экономна». Казахи, по утверждению того же автора, едят досыта лишь раз в сутки, один или два раза в день пьют чай (Донич, 1928b: 21).

Заключение. Таким образом, скотоводческое хозяйство казахов в 1920-х гг. в результате обострения земельного вопроса в Казахстане, проводимой советской властью политики продовольственных реквизиций и других мероприятий, отрицательно сказавшихся на состоянии хозяйства казахов, в эти годы испытывало глубокий кризис. В крае, в тех районах, где природные условия располагали к такой возможности, наблюдался переход к земледелию, скотоводы стремились укрепиться главным образом в местах прежних зимовок. Наметившийся экономический подъем в середине 1920-х гг. привел к оживлению торговли в Степи, к большей вовлеченности обедневших казахов в промыслы. В быту кочевников продолжали происходить изменения, имевшие место и в дореволюционный период в ходе контактов с русскими переселенцами и под влиянием проникавших в Степь рыночных отношений. Теперь же эти изменения в хозяйстве и быту носили планомерный характер, так как происходили в результате целенаправленной политики молодого советского государства. Вынужденный отказ от кочевого скотоводства и приобщение к оседло-земледельческому образу жизни не могли не сказаться на условиях быта казахов, на их материальной культуре. Медленные, но верные изменения происходили в формах жилища, в одежде и пище, положении женщины в семье, отношении к получению образования и др. сторонах жизни и быта казахов. Однако, в целом, несмотря на реформаторские усилия новой власти, в этот период в крае среди казахского населения продолжает господствовать традиционное хозяйство и культура.

Благодарности. Статья выполнена в рамках реализации проекта грантового финансирования АР08857659 «Традиционное хозяйство и культура казахов в первые десятилетия советской власти: инерционное развитие, разрушение и последствия (историко-этнологическое исследование)» (Республика Казахстан).

Литература

- Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1998. 360 с.
- Брискин (Восточный) А. Степи казакские. Очерки степного Казакстана. Кзыл-Орда, 1929. 115 с.
- Брискин А.М. Казаки (Казакстан). Москва–Ленинград, 1931. 48 с.
- Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т.3. Этнография. Алма-Ата, 1956. С. 5–104.
- Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата, 1989. 181 с.
- Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929). Алма-Ата, 1965. 536 с.
- Этнографическое жизнеописание казахов Казалинского уезда // Байтанаев Б.А. А.А. Диваев очерк жизни и деятельности. Шымкент Алматы, 2004. С. 187–232.
- Донич А.Н. (а) Народнонаселение Казакстана. Кзыл-Орда, 1928. 34 с.
- Донич А.Н.(б) Проблема нового казакского аула. Кзыл-Орда, 1928. 28 с.
- Захарова И.В. Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 3. Этнография. Алма-Ата, 1956. С. 105–189.
- Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. XIX начало – XX века. Алма-Ата, 1964. 178 с.
- Ищенко М.М., Казбеков И.С., Ларин И.В., Щелоков Б.К. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 13. Серия Казакстанская. Ленинград, 1928. 104 с.
- Каминский К.П. Пятилетний план развития и реконструкции сельского хозяйства Казахстана. Алма-Ата, 1930. 16 с.
- Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1976. 112 с.
- Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967. 304 с.
- Куфтин Б.А. Киргиз-казаки: культура и быт. Применительно к обстановочному залу «Уголок кочевого аула в Казакстане» в Центральном музее народоведения. М., 1926. 48 с.

- Леонов Н. В степных просторах. Как живут и промышленяют киргизы (казаки). М., 1930. 63 с.
 Марғұлан Ә.Х. Адайда [У адаев] // Марғұлан Ә.Х. Шығармалары. [Сочинения]. XIII том. Алматы, 2012. С. 363–368. [На казахском языке].
 5 лет Казакстана. (1920–1925). Юбилейный сборник. Кзыл-Орда, 1925. 65 с.
 Руденко С. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза // Казаки. Антропологические очерки С.Ф. Баронова, А.Н. Букейхана и С.И. Руденко. Ленинград, 1927. С. 7–32.
 Соколовский В.А. Казакский аул. Ташкент, 1926. 50 с.
 Тольбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII начале – XX века (Политико-экономический анализ). Алма-Ата, 1971. 633 с.

References

- Abylkhozhin Zh.B. Ocherki sotsialno-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana. XX vek. [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. XX century]. Almaty, 1998. [In Russian].
 Briskin (Vostochnyy) A. Stepi kazakskiye. Ocherki stepnogo Kazakhstana. [Kazakh steppes. Sketches of the steppe Kazakhstan]. Kzyl-Orda, 1929. [In Russian].
 Briskin A.M. Kazaki (Kazakstan). [Kazakhs (Kazakhstan)]. Moskva–Leningrad, 1931. [In Russian].
 Vostrov V.V. Kazakhi Dzhanybekskogo rayona Zapadno-Kazakhstanskoy oblasti (Istoriko-etnograficheskiy ocherk). [Kazakhs of Dzhanybek district of West Kazakhstan region (Historical and ethnographic essay)] // Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii. T.3. Etnografiya. [Proceedings of the Institute of History, archeology and ethnography. V.3. Ethnography]. Alma-Ata, 1956. P. 5 104. [In Russian].
 Vostrov V.V., Zakharova I.V. Kazakhskoye narodnoye zhilishche. [Kazakh folk dwelling]. Alma-Ata, 1989. [In Russian].
 Dakshleyger G.F. Sotsialno-ekonomicheskiye preobrazovaniya v aule i derevne Kazakhstana (1921–1929). [Socio-economic reforms in the Kazakh and the Russian village of Kazakhstan (1921–1929)]. Alma-Ata, 1965. [In Russian].
 Divayev A.A. Etnograficheskoye zhizneopisaniye kazakhov Kazalinskogo uyezda Ethnographic biography of the Kazakhs of Kazaly district // Baytanayev B.A. A.A. Divayev ocherk zhizni i deyatelnosti. [A.A. Divayev sketch of life and work]. Shymkent Almaty, 2004. P. 187 232. [In Russian].
 Donich A.N. Narodonaseleniye Kazakstana. [Population of Kazakhstan]. Kzyl-Orda, 1928. [In Russian].
 Donich A.N. Problema novogo kazakskogo aula. [The problem of the new Kazakh village]. Kzyl-Orda, 1928. [In Russian].
 Zakharova I.V. Materialnaya kultura kazakhov-kolkhoznikov Yugo-Vostochnogo Kazakhstana (Po materialam Alma-Atinskoy i Dzhambul'skoy oblastey). [Material culture of Kazakh-collective farmers in South-Eastern Kazakhstan (Based on materials from Almaty and Dzhambul regions)] // Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii. T.3. Etnografiya. [Proceedings of the Institute of History, archeology and ethnography. V.3. Ethnography]. Alma-Ata, 1956. P. 105–189. [In Russian].
 Zakharova I.V., Khodzhayeva R.D. Kazakhskaya natsionalnaya odezhda. XIX nachalo XX veka. [Kazakh national clothes. XIX the beginning of the XX century]. Alma-Ata, 1964. [In Russian].
 Ishchenko M.M., Kazbekov I.S., Larin I.V., Shchelokov B.K. Osobennosti selskogo khozyaystva Adayevskogo uyezda. Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy. Vyp. 13. Seriya Kazakstanskaya. [Features of agriculture Adayevskiy County. Materials of the commission of expeditionary research. Issue 13. Series of Kazakhstan]. Leningrad, 1928. [In Russian].
 Kaminskiy K.P. Pyatiletniy plan razvitiya i rekonstruktsii selskogo khozyaystva Kazakhstana. [Five-year plan for the development and reconstruction of agriculture in Kazakhstan]. Alma-Ata, 1930. [In Russian].
 Kazakhskaya natsionalnaya odezhda. [Kazakh national clothes]. Alma-Ata, 1976. [In Russian].
 Kultura i byt kazakhskogo kolkhoznogo aula. [Culture and life of the Kazakh collective farm village]. Alma-Ata: Nauka. 1967. [In Russian].
 Kuftin B.A. Kirgiz-kazaki: kultura i byt. Primenitelno k obstanovochnomu zalu «Ugolok kochevogo aula v Kazakstane» v Tsentralnom muzeye narodovedeniya. [Kyrgyz-Kazakhs: Culture and Life. In relation to the setting room «Corner of the nomadic aul in Kazakhstan» in the Central Museum of Ethnology]. M., 1926. [In Russian].
 Leonov N. V stepnykh prostorakh. Kak zhivut i promyshlyayut kirgizy (kazaki). [In the steppe expanses. How Kyrgyz (Kazakhs) live and trade]. M., 1930. [In Russian].
 Margulan A.Kh. Adayda [Among the adayans] // Margulan A.Kh. Shygarmalary. [Writings]. XIII tom. Almaty, 2012. P. 363–368. [In Kazakh].
 5 let Kazakstana. (1920–1925). Yubileynyy sbornik. [5 years of Kazakhstan. (1920–1925). Jubilee collection]. Kzyl-Orda, 1925. [In Russian].
 Rudenko S. Ocherk byta kazakov basseyna rek Uila i Sagyza Essay on the life of the Cossacks of the Uila and Sagyz river basin // Kazaki. Antropologicheskiye ocherki S.F. Baronova, A.N. Bukeykhana i S.I. Rudenko. [Kazakhs. Anthropological Essays by S.F. Baronov, A.N. Bukeykhan and S.I. Rudenko]. Leningrad, 1927. P. 7–32. [In Russian].
 Sokolovskiy V.A. Kazakskiy aul. [Kazakh aul]. Tashkent, 1926. [In Russian].
 Tolybekov S.E. Kochevoye obshchestvo kazakhov v XVII nachale XX veka (Politiko-ekonomicheskii analiz). [The nomadic society of the Kazakhs in the XVII early - XX century (Political-economic analysis)]. Alma-Ata, 1971. [In Russian].